

Тун Цинхэ проспал целых три дня, оставаясь в комнате Цзян Шаочжи, и ни разу не приходил в сознание за все это время.

Обстановка в комнате Цзян Шаочжи была аскетичной и холодной, выдержанной в темно-серых тонах. На стене напротив висел огромный экран. Тун Цинхэ посидел немного на кровати, уставившись на него. В горле у него саднило и горело. Небольшое движение кадыка тут же вызвало обжигающую боль.

Он прижимал руку к шее, холодный воздух застрял у него в груди. Он боялся даже вздохнуть глубже, опасаясь повредить и без того саднившее горло. Рядом стоял графин с водой и чистый стакан. Тун Цинхэ босиком подошел, чтобы налить воды. Вода хлынула в горло, вызвав приступ неудержимого кашля. Рот свело. Даже просто выпить воды оказалось так утомительно, что Тун Цинхэ, с покрасневшими глазами, снова закрыл рот и вернулся на кровать.

— Дядя... — произнести даже эти два слова было нестерпимо больно. Тун Цинхэ сидел, тихо ожидая. Через несколько минут, не дождавшись ответа, он медленно положил подушку на место, снова ложась. Руки и ноги маленького Омеги приняли послушную и тихую позу. В полудреме он снова провалился в забытие.

Он очнулся уже ближе к вечеру. Косой луч оранжевого солнца падал на окно. Небо было багрово-красным, словно кровь, с привкусом суровой, холодной отстраненности. Тун Цинхэ проснулся и наконец-то вспомнил, что произошло между ним и Цзян Шаочжи за эти дни. Он помог Цзян Шаочжи завязать узел.

Гон Альфы намного более стремительный и яростный, чем течка Омеги. Чтобы Альфа мог полностью пометить Омегу и пережить гон, ему необходимо прокусить железу на шее Омеги и одновременно завязать узел внутри тела — лишь так завершается ритуал метки. Сам по себе этот акт мечения по сути своей властный и дикий, будто возвращение к временам первобытного размножения, когда самец, чтобы гарантировать оплодотворение самки, завязывал узел внутри нее, лишая самку малейшей возможности к сопротивлению.

Он не мог позволить Цзян Шаочжи пометить себя, и мог лишь оказывать ему физическое утешение, заставляя его открыть ментальное поле для последующего единения духа и тела. Тун Цинхэ потрогал свою шею сверху донизу, с трудом сглотнул и побежал в ванную, чтобы посмотреть в зеркало. После четырех дней утешения Альфы, чтобы помочь ему завязать узел в тайной комнате, на его шее не осталось ни единого неповрежденного участка кожи. Корка на губах еще не полностью сошла, но, к счастью, уже не болела при прикосновении.

Тун Цинхэ не знал, что процесс помощи Альфе в гоне при завязывании узла будет настолько ужасным. Несколько раз он был на грани обморока, но Цзян Шаочжи силой приводил его в чувство. Ни одна часть его тела не принадлежала ему, он был полностью под властью своего Альфы-дяди, неспособный сопротивляться. Тун Цинхэ был слаб. В холодильнике в комнате были питательные коктейли. Он выпил два пакета подряд, и только когда его живот слегка надулся, немного ослабла слабость, вызванная чрезмерной потерей сил.

Снаружи раздался стук в дверь. Тун Цинхэ подошел к монитору, увидел Чжоу Чэ, нажал кнопку и открыл дверь.

— Ты наконец-то проснулся. — Чжоу Чэ приехал на базу, как только получил уведомление, и ждал три дня, пока Тун Цинхэ очнется. Объект, который ему было поручено защищать, выглядел, честно говоря, жалко. Четыре дня наедине с Альфой в гоне — все равно, что оставить кусок мяса перед голодным волком. Хотя маленький Омега не был полностью разорван и поглощен, выглядел он не намного лучше. Чжоу Чэ вежливо отвел взгляд. Маленький Омега с головы до ног источал густой сандал Альфы. Даже феромоны, исходящие от его волос, объявляли: этот Омега имеет хозяина. Чжоу Чэ отступил еще дальше:

— Я советую тебе продолжить мазать раны лекарством. Выглядит это, честно говоря, очень... плачевно.

Тун Цинхэ тихо сказал:

— Пожалуйста, подожди меня. — Пока он переодевался и мазал раны, на улице совсем стемнело. На базе было тихо. Кроме охраны, патрулирующей внизу, вокруг было безлюдно.

Заметив замешательство Тун Цинхэ, Чжоу Чэ объяснил:

— Вся команда спецназа «Цюн-ци» последние несколько дней была в засаде на аукционе. Сегодня, должно быть, они завершили операцию. На базе осталось немного людей. Твой Альфа приказал уведомить меня, чтобы я обеспечил твою безопасность.

Тун Цинхэ спросил: — Во сколько они вернуться?

Чжоу Чэ пожал плечами: — Наверное, довольно поздно. После успешного завершения операции, по обычаю Сектора D1, их будет принимать президент. Твой Альфа — элита спецназа, он, вероятно, вернется пораньше. Президент просто сходит с ума от восхищения капитаном «Цюн-ци», так что, скорее всего, он задержит его для долгого разговора.

Тун Цинхэ выразил скрытое разочарование: — Ах... так поздно вернуться?

Чжоу Чэ поддразнил его: — Скучаешь по своему Альфе?

Омега и Альфа только что пережили четыре дня смертельного слияния. Сказать, что он не скучает, было бы ложью. Тун Цинхэ и сам не понимал этой психологической перемены, но в этот момент он отчаянно хотел увидеть своего Альфу-дядю, а не просыпаться в пустой комнате, не получая ответа от Альфы.

Чжоу Чэ, видя его слегка подавленное и потерянное выражение лица, инстинктивно пожалел его и сказал:

— Тебе еще нужно собирать материал для дипломной работы? После боя большая часть места аукциона превратилась в руины, но оставшаяся половина осталась неповрежденной. Ты не поверишь, но аукцион снова продолжился по расписанию! Сейчас там много полиции для поддержания порядка. Если хочешь пофотографировать или посмотреть, я могу немедленно отвезти тебя туда.

Зона D1 — поистине странное государство. Хотя здесь и царит хаос, сюда стекаются бродяги, торговцы и путешественники со многих планет. Кажется, никто не боится ни несчастных случаев, ни самой смерти.

Другие планеты стремятся к свободе, провозглашают демократию и равенство, но ежегодно изгоняют бесчисленное множество космических попрошайек, не проявляя к ним терпимости.

Только Зона D1 принимает всех без разбора. Даже если ты — космический бродячий пес, ты найдешь себе место на углу улицы в Зоне D1. Здесь Бетам не нужно заискивать перед Альфами. На улице часто можно увидеть, как Беты и Альфы ссорятся до хрипоты.

Говори что хочешь, открой свое сердце. В конце концов, дело обычно сходит на нет, и никто из охраны тебя преследовать не будет. Исключение — Омеги, редкий пол, который, независимо от места, всегда желанный трофей.

Кто не хочет иметь своего Омегу? Тот, кто никогда не был в Зоне D1, не может этого осознать. Это было самым большим открытием Тун Цинхэ после его приезда. Руины древней культуры, хоть и обветшалые и унылые, где даже небо серое, — это место, наполненное жизнью, чья яркая пестрота контрастирует с общей серостью.

Тун Цинхэ приободрился. Чжоу Чэ нес его камеру, и они вместе отправились на место аукциона, где записали бесчисленное множество видео и сделали фотографий. Ближе к завершению мероприятия Тун Цинхэ уходил, еле волоча уставшие ноги. Чжоу Чэ спросил: — На базу или в отель?

Тун Цинхэ был в замешательстве, но через мгновение сказал:

— В отель, наверное.

Ему было неловко просто так сидеть и ждать на базе, хотя всю дорогу он не мог перестать отвлекаться на мысли о Цзян Шаочжи.

Посетителей аукциона было много, и к десяти вечера движение превратилось в длинную пробку. В шуме машин впереди, казалось, произошло что-то громкое. Водитель опустил окно, чтобы посмотреть:

— Я слышал, это генерал Федерации. Из того самого спецназа «Цюн-ци», который разгромил

космических пиратов. Этот президент сам провожает генерала на базу! Вот же льстит, бесстыжий!

Чжоу Чэ усмехнулся: — Что ты вообще понимаешь? Это самый молодой генерал во всей Федерации и даже во всей галактике. Чего ты, Бета, вообще видел?

Отвлечшееся сознание Тун Цинхэ резко напряглось, а затем снова ослабло. Он сказал:

— Я все-таки вернусь на базу. Вдруг дядя уже вернулся...

Водитель был рад объехать, чтобы заработать больше денег. На базе стояли бронемшины.

Чжоу Чэ взволновался: — Я тоже пойду с тобой. Говорят, сегодня здесь тот генерал. Я ни разу не видел самого молодого генерала Федерации.

Тун Цинхэ не обратил внимания на слова Чжоу Чэ. Он с рюкзаком на спине направился прямо к комнате Цзян Шаочжи, как вдруг услышал, как кто-то кричит:

— Маленькая супруга!

Тун Цинхэ повернулся на звук и застыл.

Под деревом, источающим таинственный, чистый аромат, стоял человек. Он моргнул от недоверия: этот человек был одет в форму офицера Федерации, с невозмутимым, торжественным и внушительным видом. Тун Цинхэ подошел ближе, его пальцы скользили по ляжке рюкзака. Он посмотрел на золотые эполеты с национальным цветком на плечах Альфы. Его губы дрогнули.

— Дя... — Маленький Омега посмотрел на своего Альфу-дядю, затем медленно поправился, выражая небольшое недовольство и обиду. — Почему ты стал генералом?

Произнеся это, он почувствовал, что горло все еще болит. Не обращая внимания на внезапную смену статуса своего Альфы, Тун Цинхэ подошел и взял Цзян Шаочжи за палец: — У меня все еще очень болит горло.